

Как только слуги из поместья Третьего принца прибыли в поместье герцога Хань в поисках Хан Сизня, старая госпожа Хань и остальные сразу же получили об этом весть. К тому, что Цзи Ло столь откровенно пренебрегает приличиями и игнорирует остальных членов семьи Хань, в герцогском поместье уже привыкли — по крайней мере, внешне все сохраняли полнейшее спокойствие.

На сей раз Третий принц назначил встречу не в самой столице, а за её пределами — в Храме Вечного Покоя. Сказал, будто в монастырском саду растёт редчайший, прямо-таки драгоценный чайный куст, и пригласил Сизня полюбоваться им вместе.

Это предложение действительно пробудило в Хан Сизне любопытство. Он проживал в Великой Чжоу уже третью жизнь, однако в первых двух был одержим лишь мыслью о скорейшем побеге и почти не покидал столицу. Хотя в этот раз судьба забросила его напрямик в Цзяннань, окрестности главного города империи оставались для него загадкой.

И раз уж Цзи Ло позвал его за город, почему бы не развеяться и не осмотреться?

Верхом Хан Сизнь ездить не умел. В прошлой жизни ему сперва попросту не хватало средств на столь благородные забавы, а когда деньги наконец появились, вкушать прелестей роскоши он не успел — его заперли в подземелье, лишив и солнца, и свободного времени.

В Великой Чжоу столичные франты обожали щеголять роскошными одеждами и горячими скакунами, но Сизнь давно погряз в лени. Ему претили любые лишние усилия. Зачем учиться верховой езде, если можно с комфортом устроиться в паланкине или экипаже?

Поэтому за ворота столицы его везла запряжённая повозка, которой правил Ань Цао.

У городских ворот их уже поджидал Цзи Ло. Завидев Сизня в конном экипаже, принц ничуть не удивился. Пусть внешне молодой человек выглядел вполне здоровым, его былая болезненность ни для кого не являлась тайной; при таком слабом теле у него попросту не могло возникнуть желания осваивать верховую езду.

Оказавшись за пределами городских стен, Хан Сизнь отбросил строгий этикет. Он лишь приподнял занавеску и приветственно кивнул Цзи Ло. Так они и двинулись к Храму Вечного Покоя — всадник на коне и неторопливый экипаж.

Хотя нынешний император Великой Чжоу не отличался набожностью, вере подданных он не препятствовал. В окрестностях столицы высились несколько знаменитых обителей, среди которых Храм Вечного Покоя считался непревзойдённым. Горожане толпами стекались сюда, чтобы воскурить благовония, вознести молитвы или отблагодарить небо за исполненные прошения, так что поток паломников не иссякал круглый год.

Цзи Ло, познавший смерть и возрождение, втайне относился к божествам и буддийским монахам со смутным опасением: вдруг праведники разглядят в нём гостя с того света? Но он

принадлежал к числу тех людей, которые, даже испытывая страх, предпочитают смотреть ему прямо в глаза и преодолевать внутренние барьеры волевым усилием.

Едва очнувшись в этой жизни, он первым же делом отправился в Храм Вечного Покоя и зажёл две безымянные лампы — за упокой своей прежней души и души великого генерала Бай Вэньхана. На пожертвования принц не скупился, снискав у местных монахов славу благочестивого благодетеля, и те всегда держали для него уединённые покои в гостевом дворе.

Хан Сиэнь же, за чьими плечами осталось слишком много перерождений, взирал на храмовые святыни с полнейшим равнодушием.

К главным воротам храма, предназначенным для мужчин, вели девяносто девять каменных ступеней (для женщин предназначался другой, пологий подъём). Число это было символическим, и паломники, желая доказать искренность своих помыслов, обычно одолевали крутой путь пешком. Лишь самых немощных или калек слуги поднимали на носилках.

Цзи Ло, разумеется, пошёл пешком. К его изумлению, Хан Сиэнь отказался от паланкина и последовал его примеру. К моменту, когда они достигли вершины, щёки Сиэня густо порозовели, а дыхание стало тяжёлым и прерывистым.

Для изнеженного баловня судьбы, не привыкшего к физическим нагрузкам, это восхождение обернулось настоящим испытанием.

Цзи Ло сразу увёл гостя в свои уединённые покои. Обстановка здесь отличалась строгой простотой и аскетичностью, подобающей монастырю. В комнате царила безупречная чистота, а благодаря постоянно открытым окнам воздух оставался свежим, без затхлого запаха благовоний.

Не утруждая себя лишними церемониями, Хан Сиэнь, всё ещё пытавшийся восстановить дыхание, придвинул стул и тяжело опустился на него.

Когда бешено колотившееся сердце наконец успокоилось, Сиэнь перевёл взгляд на принца и с привычной, обманчиво небрежной интонацией спросил:

— Выглядишь неважно. Что-то стряслось?

Цзи Ло пристально взгляделся в его лицо, но не заметил ни тени притворства. На душе у него сделалось паршиво.

В последнее время он только и делал, что копал под Бай Эня. Тот мимолётный взгляд на профиль юноши лишил принца покоя: сходство с венценосным отцом казалось слишком пугающим, наводя на мысли об императорском бастарде.

И в глухие ночные часы перед его мысленным взором неизменно возникал образ Хан Сиэня.

Ведь именно Сиэнь как бы невзначай указывал на странности в поведении Бая — то на его осанку, то на черты лица. Цзи Ло уже сотни раз ловил себя на подозрении, что Сиэнь тоже хранит память о прошлом и именно поэтому ломает привычный ход вещей в этой жизни. Но всякий раз, сталкиваясь с его невыносимым, отрешённым характером, принц отбрасывал эти догадки.

И всё же тайна Бай Эня вновь разворошила это смутное предчувствие. Сиэнь никогда не раздаривал внимание случайным прохожим, однако именно его настойчивые, пусть и завуалированные намёки заставили Цзи Ло присмотреться к юноше.

С одной стороны, подобные подозрения отдавали безумием. В прошлой жизни к моменту гибели Сиэня имя Бай Эня ещё не гремело на всю империю, так откуда ему было знать о чужих секретах?

С другой — Цзи Ло никак не мог унять эту внутреннюю тревогу. Расследование зашло в тупик, мысли путались, и ему отчаянно требовался чей-то острый, незамутнённый ум, способный разложить всё по полочкам. В прошлой жизни его нерушимой опорой был Бай Вэньхань, но теперь, сознательно избегая встреч с генералом, он лишил себя этого союзника. Оставался лишь Хан Сиэнь — самый проницательный из всех, кто его окружал. Вот только кошмары былых дней научили принца никому не открывать душу. Кроме Вэньханя, верить он не мог ни одной живой душе.

Хан Сиэнь поначалу не догадывался о смятении в чужой голове. Однако у Цзи Ло имелась пагубная слабость: стоило ему вспомнить о Бай Вэньхане, как память неизбежно возвращала его к их трагической гибели, и этот внутренний надлом невольно отражался в его облике едва заметными штрихами.

Сиэнь видел лишь одно: принц пребывает в глубочайшем унынии.

Глядя на то, как тот упорно прячет свои думы, Сиэнь тихо вздохнул.

— Ты позвал меня в такую даль только ради того, чтобы молча играть в гляделки под монастырским кровом?

Цзи Ло лишь качнул головой и снова упрямо сжал губы.

— Раз уж тебе нечего сказать, я пойду пройдуся, — равнодушно обронил Сиэнь. — Никогда раньше не бывал в таких местах.

Он никогда ничего не навязывал окружающим, и терзания принца не были исключением.

Столь холодное безразличие заставило Цзи Ло почувствовать себя ещё более уязвленным. Сделав глубокий вдох, он процедил:

— Я сам пригласил тебя сюда. Если желаешь осмотреться — что ж, эти места мне хорошо знакомы. Я покажу дорогу.

Сиэнь безучастно кивнул.

На монастырском дворе царило оживление. Мужские и женские половины храма разделяла невидимая, но строгая граница, исключавшая любые неловкие встречи или суету. Пейзажи Храма Вечного Покоя действительно ласкали взор. Проходя мимо алтарей, Цзи Ло то и дело небрежно бросал в ящики для подаяний серебряные монеты, исполняя долг щедрого жертвователя.

При этом принц даже не думал склонять колени пред изваяниями, а Хан Сиэнь и вовсе держался в стороне: не швырялся деньгами и не кланялся богам. Они неторопливо брели по монастырским закоулкам. Сиэнь вышагивал лениво, словно прогуливался по собственному саду, а Цзи Ло неизменно пояснял, чьи именно статуи высятся в очередном павильоне и какую легенду хранят их имена.

Под конец они забрели в глухой, заброшенный дворик. Никаких святынь здесь не было — лишь голые плиты под ногами да неприметная калитка в дальней стене. Указав на неё, Цзи Ло слабо улыбнулся:

— За этой дверью начинается тропа, ведущая к Отвесному утёсу. Места там дикие, тихие. Взглянем?

За всё время прогулки принц впервые проявил хоть какую-то инициативу. К тому же вид с высоты птичьего полета во все времена манил созерцателей, и Сиэнь не стал отказываться. Он молча кивнул в знак согласия.

По ту сторону калитки мир разительно переменялся. На смену праздничному гулу толпы пришёл яростный, завывающий ветер. Дорога вела по самому краю отвесной кручи, сужаясь с каждым шагом до крошечной тропинки. От одного взгляда в бездонную пропасть под ногами сладко замирало сердце и кружилась голова.

Но, как выяснилось, они были здесь не одни. Чуть поодаль, прислонившись спиной к каменной стене и устремив взор к горизонту, стоял молодой человек. Услышав шаги, он обернулся, и на его лице отразилось искреннее изумление при виде неожиданных гостей.

Это был Бай Энь.

Разумеется, он сразу узнал Третьего принца, да и облик Хан Сиэня позволял безошибочно

угадать его знатное происхождение. Юноша поспешно шагнул навстречу и склонился в глубоком поклоне.

Цзи Ло нацепил на лицо вежливую, холодную маску и, слегка приподняв руку, жестом велел ему подняться:

— Мы не знали, что молодой господин Бай выберет это место для уединения. Прости, если помешали.

Бай Энъ опустил глаза и негромко ответил:

— Ваше Высочество изволит шутить.

На этом разговор иссяк, и над ущельем повисла тягостная, неловкая тишина.

Хан Сиэнь окинул принца ироничным, пронзительным взглядом, от которого у того против воли вспыхнули уши. Заметив это безмолвное противостояние, Бай Энъ поспешил откланяться:

— Прошу простить мою дерзость, Ваше Высочество, господин наследник. Моя матушка дожидается меня в храме. Позвольте идти.

Цзи Ло едва заметно кивнул, и юноша, стараясь не задеть их одеждой на узкой тропе, торопливо скользнул мимо.

Лишь когда его шаги полностью стихли вдали, Хан Сиэнь без лишних церемоний опустился прямо на каменистую землю. Подставив лицо порывам ветра, он слегка склонил голову набок и устремил взор на принца:

— Ты ведь специально привёл меня сюда, чтобы столкнуть с ним?

Цзи Ло ощутил, как к горлу подступает удушливая волна смущения. Ему стоило немалых трудов разузнать об этой привычке Бай Эня. Он заранее расставил в храме своих людей: даже если бы Сиэнь не пожелал идти к обрыву, его бы всё равно ненавязчиво направили в эту сторону.

Всю дорогу принца изводили сомнения. Что делать, если при встрече с Баем Сиэнь разгадает этот нехитрый маневр, но предпочтёт промолчать? А если задаст прямой вопрос — как тогда оправдываться?

Его подозрения затрагивали тайны императорской крови, и рубить с плеча здесь было смертельно опасно. Все последние дни он тайком просматривал старые записи о выездах венценосного отца за пределы дворца, надеясь отыскать след потерянной жемчужины,

затерявшейся среди простого люда. Но тщетно — ничего подозрительного обнаружить не удалось.

Согласно хроникам, император покидал Запретный город считанные разы, и проверить эти даты не составило труда. Конечно, оставалась вероятность тайных отлучек, не внесенных в официальные свитки, но Цзи Ло отметал эту мысль. Его не покидало предчувствие, что ключ к разгадке хранит Вдовствующая императрица. В прошлой жизни Бай Энь в конце концов оказался на стороне его второго брата, Цзи Жуна.

Не доведись ему погибнуть от руки Бай Эня, он никогда бы не связал судьбу этого юноши с кознями Второго принца.

Сейчас же в его разуме зрела безумная, пугающая догадка: а что, если много лет назад одного из новорождённых наследников попросту подменили? И не замешана ли в этом августейшая бабушка? В конце концов, её слепая, не поддающаяся логике поддержка Цзи Жуна всегда казалась необъяснимой.

Приставленные им ищейки день и ночь следили за усадьбой Бай, но богатой добычи не принесли.

Глава семейства, господин Бай Цзюнь, исправно посещал утренние аудиенции и возвращался домой без каких-либо странностей. Единственной, кого Цзи Ло так и не сумел увидеть, оставалась его супруга, госпожа Ван, некогда бывшая лишь наложницей, но сумевшая занять место законной жены. Какое-то шестое чувство подсказывало принцу, что именно эта женщина держит в руках все нити заговора.

Столь яростное рвение объяснялось просто: через дело Бай Эня принц надеялся пролить свет на безвременную кончину своего покойного отца-наложника.

Но пока всё это оставалось лишь домыслами, не подкреплёнными ни единым свитком или свидетельством. Не мог же он явиться к повелителю Поднебесной с заявлением, будто некий юноша точь-в-точь похож профилем на императора.

Все доступные ему тайные рычаги уже были задействованы, а дальнейшие расспросы грозили встревожить змей в их логове. Секреты внутренних покоев дворца оберегались слишком ревностно. И всё же это был его единственный шанс понять, почему император всю жизнь обделял его теплом и какая участь на самом деле постигла его родителя. Упустить эту ниточку он не имел права.

Единственным, кто мог бы протянуть ему руку помощи в этой опасной игре, оставался Хан Сиэнь. Но Цзи Ло не смел доверять ему до конца. Именно поэтому он и устроил эту встречу у обрыва — желая проверить, насколько глубоко Сиэнь посвящен в тайну Бай Эня.

К вящему смущению принца, Сиэнь действительно вспомнил юношу, однако в его глазах не

отразилось и тени беспокойства. Под этим чистым, пронизательным взглядом Цзи Ло окончательно растерялся, гадая, согласится ли этот загадочный человек встать на его сторону.

<http://bllate.org/book/20088/2002036>